

© М.М. ЮСУПОВ

mikyus@yandex.ru

УДК 32

АНАЛИЗ ДИНАМИКИ ПОСЛЕДСТВИЙ КСЕНОФОБНОЙ АГРЕССИИ В РОССИИ (2005-2010 гг.)

АННОТАЦИЯ. В статье изложена история и причины появления в СССР и постсоветской России движений скинхедов и других молодежных экстремистских группировок. Дан анализ причин роста агрессивной мигрантофобии, рассмотрена динамика последствий ксенофобной агрессии в России и в регионе в 2005-2010 годы.

SUMMARY. The article dwells upon the history and the causes of emergence of skinheads' movements and other youth extremist groups in the USSR and post-Soviet Russia. The analysis of the causes of aggressive migrantophobia growth is given; the effects dynamics of xenophobic aggression in Russia during the period from 2005 to 2010 is offered.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА. Ксенофобия, результаты исследований, динамика ксенофобной агрессии.

KEY WORDS: Xenophobia, research results, dynamics of xenophobic aggression.

*Теперь, когда мы научились летать по воздуху,
как птицы, плавать под водой, как рыбы, нам
не хватает только одного: научиться жить
на земле, как люди.
Бернард Шоу*

Сегодня в России проблемы интолерантности явно преобладают над позитивным опытом их преодоления. Определяющим маркером отношений «свой-чужой» в стране выступает этническая принадлежность, в меньшей степени — расовые и религиозные признаки [1; 7]. По сей день бытует мнение, что в СССР до последнего года его существования (1991), преобладала «дружба народов», а ксенофобия, расизм, этническая и религиозно-конфессиональная дискриминации, превратившиеся сегодня в один из самых острых вызовов социальной и национальной безопасности России, возникли только в постсоветское время. В действительности интолерантность стала возрастать уже в последние годы существования СССР. В 1989 г., по данным ВЦИОМ (руководитель Ю. Левада), признаки открытой ксенофобии обнаруживали примерно 20% населения СССР, а ее агрессивных форм — около 6-12%, в зависимости от региона страны. Однако уже в 1990 г. социологические показатели острой этнической антипатии выросли до 35-40%, а в зонах этнических конфликтов охватывали почти все население [2; 179]. По наблюдению известного исследователя агрессивного национализма В.А. Шнирельмана, регулярные социологические опросы, проводимые на территории России, показывали, что если в начале 1990-х гг. молодежь

в возрасте 18-24 лет в меньшей степени, чем представители старших поколений была подвержена ксенофобии, то начиная с середины 90-х она оказалась весьма восприимчивой к праворадикальным настроениям. А к началу 2000-х гг. по уровню ксенофобии молодежь превзошла практически все остальные возрастные категории, включая пожилых людей, традиционно отличавшихся высоким уровнем ксенофобии. Опрос, проведенный «Российской газетой», показал, что тема расизма в России стала более чем актуальной [3; 106].

В СССР первые скинхеды появились в конце 1980-х гг. в Прибалтике, где они считали своей целью «борьбу с оккупационным режимом». Многие из них гордились родственниками, воевавшими против СССР в рядах Ваффен-СС, и, как бы подчеркивая связь поколений, носили особые кепки из джинсовой ткани, напоминавшие фуражки эсэсовцев. Но с распадом СССР и образованием в Прибалтике самостоятельных государств ничто уже не подпитывало их энтузиазма, и их число быстро сошло на нет [3; 5].

После распада СССР в 1991 г. оказалось, что Россия по количеству проживающих в ней этносов практически не уступает бывшему союзному государству. Но картины многонациональности в СССР и в новой России принципиально отличались. Если в советский период этнические русские составляли около половины населения страны, то в новой России они образовали около 80% ее жителей. В советский период у большинства русских имперское самосознание превалировало над этническим: в канун распада СССР почти 80% русских считали себя советскими людьми, а своей родиной — все союзное государство. В то же время многие представители других народов, живущих тогда в 15 союзных и в 20 автономных республиках, в 8 автономных областях, в 10 автономных округах, в 128 краях и областях, расположенных не только в Закавказье, Средней Азии и Прибалтике, но и в РСФСР, родиной называли свои исторически сложившиеся национально-территориальные образования. А они в СССР были не у всех народов [4; 312].

Распад СССР по-новому поставил перед русским этносом вопрос о собственном национальном государстве. Традиционная парадигма русского национального сознания: Россия там, где живут русские. Однако, после 1991 г. вне России, в бывших «братских республиках», осталось жить свыше 25 млн русских. А в самой России, согласно результатам переписи 2002 г., помимо русских учтено еще более 180 народов: около 160 этнических общностей и порядка 25 субэтнических групп [5; 31]. Причем на долю национально-территориальных образований части этих «нерусских» этносов приходится 52% территории страны, и этносы эти «являются коренными народами, сыгравшими историческую роль в формировании российской государственности. Благодаря объединяющей роли русского народа на территории России сохранились уникальное единство и многообразие, общность и союз различных народов» (Концепция Государственной национальной политики Российской Федерации, 1996).

Необходимо помнить, что историческая память многих народов России продолжает актуализировать реальные и мнимые обиды из прошлого. Неисчислимы беды, происходящие и от предвзятых мнений и преходящих ошибок. Истоки почти всех конфликтов советского и постсоветского периодов коренятся в прошлом, реальном и мифическом: библейские и коранические легенды, многочисленные войны, бывшие отношения господства-подчинения, сталинские депортации тяготеют над оценками и позициями сегодняшнего дня.

Отношение к русским в бывших союзных республиках тоже стало меняться еще до распада СССР. Так, по данным ВЦИОМ (сентябрь 1991 года) о его ухудшении, в частности, заявили 79% русских в Молдавии, 75% — в Киргизии, 54% в Азербайджане, 59% — в Западной Украине, 34% — в Казахстане [6; 65-73].

Неприязнь к русским была обусловлена причинами как этнокультурными («размывание» этнической идентичности «нерусских» народов СССР под воздействием аккультурации /русификации/), так и этнополитическими, а неприятие советского периода истории /советофобия/ переносится на «имперский» народ — русских /руссофобия/ [7; 45].

В 20-80-е гг. прошлого века особенность миграционной политики СССР состояла в том, что в условиях фактически закрытой для въезда иностранных граждан страны упор делался на управление внутренними миграционными процессами. Привлечение иностранной рабочей силы осуществлялось только из некоторых стран — членов СЭВ, КНР, КНДР в рамках соответствующих межправительственных соглашений.

С началом политических и экономических трансформаций и распадом СССР Россия оказалась в совершенно новой миграционной ситуации, требующей разработки и реализации новой миграционной политики. Отсутствие укоренившихся традиций иммиграции в России последних полутора столетий самым пагубным образом сказывается сегодня на отношении к мигрантам со стороны региональных властей и принимающего населения, самой тональности ряда российских дискурсов о миграционной политике, в которых преобладают алармистские настроения.

Одной из основных составляющих притока в Россию за 90-е гг. стала миграция из стран СНГ и Балтии, которая, согласно экспертным оценкам, составила более 8 млн человек. Возрастная, образовательная и профессиональная структура этих мигрантов отличалась более высоким качеством, чем постоянное население России в среднем: они имели более молодую возрастную структуру, более высокий образовательный и профессионально-квалификационный уровень [8], [9].

Миграция в Россию из стран государств-участников СНГ и стран Балтии в первой половине 90-х гг. во многом носила вынужденный характер. Она определялась нестабильностью политической обстановки в новых независимых государствах, возникновением этнополитических конфликтов, «горячих точек». Однако последняя треть 90-х гг. характеризовалась как значительным спадом самого миграционного потока, так и ухудшением качественных характеристик совокупности прибывших мигрантов.

Фиксируемый повсеместно в стране рост этнофобий сопровождается нарастанием антимигрантских настроений и молодежной преступности. Значительная часть россиян, как показывают многочисленные опросы, стала требовать усиления административных и иных мер по ограничению притока мигрантов, особенно представителей народов Кавказа и Средней Азии.

В России в начале 1990-х гг. расистской идеологией стали открыто руководствоваться карликовые, но весьма шумные политические партии и движения [9]. Так, к примеру, лозунг «выдворения непрошенных «черных» гостей с русской земли» отстаивала Национально-республиканская партия России, выступавшая тогда за «честь русской нации» и «твердый порядок». Идеологи партии пытались

мобилизовать против мигрантов все аргументы, типичные для «нового расизма» в Западной Европе. Трагические последствия для страны имели попытки осуществления вооруженной агрессии и боевые действия против сепаратистов в Чеченской Республике.

Некоторые документальные и художественные фильмы, возбуждавшие у зрителей недобрые чувства к «инородцам», добавили топлива в огонь ксенофобий. Так, после фильма «Чистилище» А. Невзорова прошла волна погромов уроженцев Кавказа, торгующих на провинциальных рынках страны. Аналогичная ситуация имела место с китайцами, вьетнамцами, грузинами, которых зрителям представили как преступников, злодеев, носителей чуждых нам культур.

После экономического кризиса 1998 г. и особенно после серии террористических актов в городах России и начала «второй чеченской войны» рост ксенофобий стал более стремительным, но тогда в основном это была античеченская ксенофобия. А после 2000 г. начался активный рост многих других разновидностей этнических фобий.

Ксенофобия, как известно, могла возникнуть на родоплеменной, расовой, национальной или вероисповедной почве. А после Октябрьского переворота в России на социально-классовой почве дискриминации или уничтожению подлежали буржуи, помещики, кулаки, священники, офицеры и прочий «чуждый элемент, враги народа». Появилась обширная категория ЧСИР, миллионы «членов семей изменников родины». Советской России и позже СССР досталось весьма противоречивое историческое наследие. С одной стороны, идеология непримиримой классовой борьбы, диктатуры пролетариата, нетерпимости к инакомыслию: «Кто не за нас — тот против нас», и индивидуализму. И безусловный приоритет ценности государства, противопоставление себя другому обществу. А с другой стороны — декларирование сотрудничества: «Человек человеку — друг, товарищ и брат», «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!», «Крепнет единство народов и рас», «Если бы парни всей земли за руки взялись однажды могли». Прошедшую в нашей стране трансформацию одновременно во всех сферах жизни — экономической, политической, духовной — причем не синхронных, не совпадающих ни по масштабам, ни по глубине изменений, известный польский социолог Штомпка назвал «травматической» [13]. В таком состоянии общество характеризуется высокой энтропией, дезорганизацией, дезинтеграцией. То, что произошло в нашем обществе, оставляет мало места для согласия, толерантности.

Биологический принцип «свой-чужой» не исчез, он видоизменился. В коммунистической Камбодже около трети населения страны, несколько миллионов человек были объявлены врагами и своими соплеменниками были истреблены. Причем нередкими были случаи, когда палачи съедали печень только что убитых ими людей, веря, что приобретут их силу.

И сегодня ксенофобия — один из серьезных вызовов национальной, социальной безопасности нашей страны. Подросток, молодой человек, убивший «инородца», торопится поменять в своих армейских ботинках черные шнурки на белые, знак его удачной «акции». Теперь скин-друзья и скин-подруги будут его уважать. И никому из них в голову не приходит, что в ответ на его «подвиг», убийство случайно подвернувшегося, к примеру, азербайджанца, приехавшего в Россию на заработки, чтобы прокормить многодетную семью, родственник или близкий друг убитого там, на их родине, отомстит, в ответ убив ни в чем не по-

винного русского, живущего в Азербайджане. А может быть, и семью русских. Террористические акции в Ингушетии, гибель расстрелянных русских семей, могли быть мстью в ответ на гибель ингушей в российских городах. Большинство россиян не знает, что сегодня в том же Азербайджане живет около 160 тыс. русских, причем Михаил Забелин, лидер их общины — депутат парламента этой страны. Президент национально-культурной автономии азербайджанцев России «АЗЕРРОС» Союн Касумов подчеркивал, что агрессия радикальных националистов, не контролируемая российскими правоохранительными органами, чревата и изменением отношения к русским на территориях бывших союзных республик [14]. Прошедший 2010-й год показал, что на территории России возможны трагические события, мотивированные этнической ненавистью, спровоцированные событиями, имевшими место за пределами нашей страны.

После этнических погромов в Киргизии летом 2010 г. в России было зафиксировано несколько нападений узбеков на киргизов и наоборот.

Исследования показывают, что массовые и организованные акции скинхеды начинают совершать с 1999 г.: первая массовая драка с «рэпперами» на Манежной площади в августе этого года, погром на Ясневском рынке в апреле 2001 года. Если факты хулиганства в 1998 г. составили 5,9%, то по итогам 2002 г. этот показатель достиг уже 9,2% [15]. Несмотря на усиление реального противодействия разгулу ксенофобно мотивированной преступности в стране, в этот период времени значительная часть нарушителей к ответственности не привлекалась. Лидер Ассамблеи народов России Р.Г. Абдулатипов в 2002 г. привел разительную статистику: из 30 уголовных дел, заведенных в этом году по статье «Разжигание межнациональной розни», до суда дошли всего 17, а осуждены были только 3 человека [16]. Признал эту негативную практику и Генеральный прокурор РФ Ю. Чайка, отметив, что «имеются просчеты в деятельности самих органов прокуратуры» [17].

Основными очагами насилия являются две столицы России. Лишь за один 2004 г. в Москве скинхедами было совершено 12 убийств и 40 избиений, в Санкт-Петербурге — 7 убийств и 24 избиения. Далее в 2004 г. шел Краснодарский край, где, без учета массовых драк, было зафиксировано не менее 2 убийств и 27 избиений иностранцев и российских граждан. Если в 2003 г. на скинхедов было заведено 20 дел по поводу убийств, то в 2004 г. — уже 44 дела [18].

Выступая в декабре 2005 г. на заседании «Клуба 4 ноября» заместитель Администрации президента РФ Владислав Сурков обозначил две основные опасности для России: угрозу реставрации олигархического стиля правления в стране и тенденцию нового изоляционизма, понимаемого как лозунг «Россия — для русских!» [19; 41].

В апреле 2006 года Виталий Третьяков, главный редактор газеты «Московские новости», писал: «Россия погружается в омут всеобщей ксенофобии, а точнее, расизма и русского фашизма — такой диагноз ставят многие из тех, кто комментирует ряд событий последних недель, месяцев, событий, многократно описанных в прессе...» [20; 1].

По данным разных источников, в 2007 г. на территории Российской Федерации действовала 141 молодежная группировка экстремистской направленности общей численностью около полумиллиона человек. Есть мнение, что

группировок 150. Основная их часть расположена в Центральном, Северо-Западном и Уральском федеральных округах (17; 6).

Официальная статистика о жертвах ксенофобной агрессии в стране и ее регионах остается монопольной сферой власти, и в СМИ, как правило, представлена скудно, дозированно. В связи с этим автор выполняя работу по анализу статистики, географии и динамики проявлений этнофобии на базе количественных анализов текстов обзорных докладов Московского бюро по правам человека [далее — МБПЧ, Бюро], проводящего специализированный мониторинг «Ксенофобия, расовая дискриминация, антисемитизм и религиозные преследования в регионах РФ» за 2005-2006 гг. за 2005-2007 гг. [22] и за 2005-2010 годы, а также докладов Центра «СОВА» [19].

За единицу анализа текстовых массивов отчетов была взята информация о таких нападениях, событиях-насилиях, в результате которых были избитые, раненые, убитые и погибшие от ран.

Ниже представлена диаграмма 1, отражающая комплексные результаты анализа ксенофобной агрессии за 2005-2010 годы.

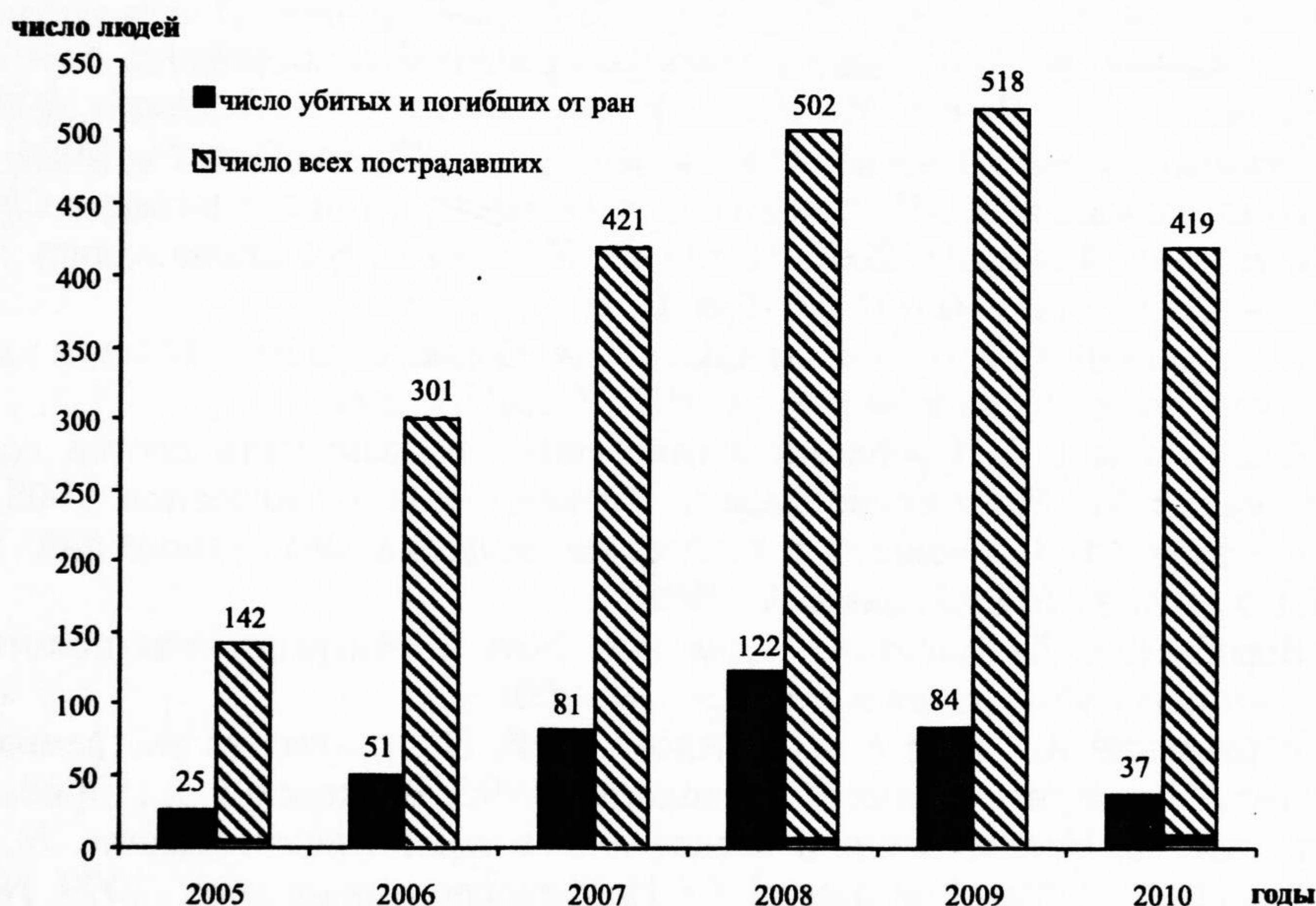

Диаграмма 1

В ряде больших городов известны крупные и достаточно организованные группы скинхедов: в Москве, Санкт-Петербурге, Нижнем Новгороде, Иванове, Ярославле, Ижевске, Новосибирске, Пскове, Йошкар-Оле, Самаре, Воронеже, в Карелии, Ростове-на-Дону, в Тюмени («Северный альянс»). В Сургуте первые скинхеды появились в 1999 г., а к 2005 г. их было уже около 120 человек [3; 27].

Представляет интерес тот факт, что мнение скинхеда из Ханты-Мансийска: «Россия — для русских и тех национальностей, которые здесь живут с древних времен. Мы против дагестанцев, чеченцев» — перекликается с мнением известной журналистки газеты «Московский комсомолец», предложившей, «чтобы не бояться чеченцев, надо просто не пускать их в Россию». Очевидно, оба не знают, что чеченцы и дагестанцы являются коренными народами России [3; 48].

Однако задуматься о причинах пробелов в знаниях российской молодежи, преступного поведения так называемых «чистильщиков» [3] и «наци-боевиков» необходимо не только руководителям системы образования страны, но и соответствующим структурам государственной власти и местного самоуправления, руководителям предприятиям СМИ, общественным организациям и другим институтам гражданского общества. Рекомендации Общественной Палаты Российской Федерации «О толерантности и противодействии экстремизму в Российском обществе» были приняты 14 апреля 2006 года [23].

Если мир пойдет по пути дезинтеграционного, интолерантного варианта, будет упущен беспрецедентный шанс, может быть, последний, на добровольное демократическое объединение человечества, на универсализацию толерантности и согласия. «Трагический опыт XX века, — говорится в книге В.В. Шалина «Толерантность», — вынуждает признать, что дальнейшее распространение интолерантности в сфере международных отношений ставит под вопрос существование человечества» [24].

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Толерантность против ксенофобии (зарубежный и российский опыт) / Под ред. В.И. Мукомеля и Э.А. Паина. М.: Институт социологии РАН; Academia, 2007.
2. Гудков Л. Негативная идентичность. Статьи 1997-2002 гг. М., 2004.
3. Шнирельман В.А. «Чистильщики московских улиц»: скинхеды, СМИ и общественное мнение. Academia, 2007; Чалян Э., Мухина Е. Вы сталкивались с расизмом? // Российская газета, 2005. 11 октября. С. 16.
4. Мнацаканян М.О. Нации и национализм. Социология и психология национальной жизни: Учеб. пособие для вузов. М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2004.
5. Пистрякова С.А. Проблемы иммиграции: толерантность против ксенофобии и дискриминации. М.: Московское бюро по правам человека; Academia, 2008.
6. Сикевич З.В. Социология и психология национальных отношений: Учебное пособие. СПб.: Изд-во Михайлова В.А., 1999.
7. Воробьева О.Д. Миграция населения. Вып. 6: Миграционная политика. Приложение к журналу «Миграция в России». М., 2001.
8. Верховский А., Папп А., Прибыловский В. Политический экстремизм в России. М.: Институт экспериментальной социологии, 1996; Верховский А., Прибыловский В., Михайловская Е. Национализм и ксенофобия в российском обществе. М.: Панорама, 1998; Тарасов А. Skinhead ou naturel // Неприкосновенный запас. 1999. № 5. С. 82.
9. Православие, образование и воспитание в XXI веке (VI Рождественские образовательные чтения): М-лы всерос. научно-практ. конф. (6-7 февраля). Тюмень: ТюмГНГУ, 2007.
10. Русский Вестник. 2009. № 4. С. 6; «Известия», 2009. 11 февраля.
11. Илюшенко В.И. Ксенофобия. Национализм. Фашизм. Лики русского неонацизма. М.: Academia, 2005.
12. Ксенофобия: вызов социальной безопасности на юге России: Колл. монография. Отв. редактор Ю.Г. Волков. Ростов н/Д.: Изд-во СКНЦ ВШ, 2004.
13. Юсупов М.М. Будем всегда жить вместе // Тюменская область сегодня. № 171. 2009. 18 сентября. С. 4.
14. Цит. по: Дробижева Л.М. Об условиях формирования толерантных установок общественного сознания и поведения групп в российском социуме. В сб. «Межкультурный диалог: исследования и практика» / Под ред. Г.У. Солдатовой, Т.Ю. Прокофьевой, Т.А. Лютой. М.: Центр СМИ МГУ им. М.В. Ломоносова, 2004.

15. URL: <http://www.grani.ru/Politics/Regions/p.133685.html>.
16. Аминов Д.И., Оганян Р.Э. Молодежный экстремизм в России. М.: Московское бюро по правам человека; Academia, 2007.
17. Толерантность / Общ. ред. М.П. Мchedлова. М.: Республика, 2004.
18. URL: <http://top.rbc.ru/society/26/07/2007/110683.shtml>.
19. Расизм, ксенофобия, антисемитизм, этническая дискриминация в Российской Федерации в 2005 г.: Обзорный доклад Московского бюро по правам человека / С. Чарный (авт.), И. Евдокимов, Т. Журчева (ред.), А.Брод (рук. проекта), В. Новицкий (юр. директор проекта). М.: Academia, 2006.
20. Юсупов М.М. Анализ российской географии проявлений этнофобии. География и статистика проявлений этнофобий в России // Вестник Тюменского нефтегазового университета «Региональные социальные процессы», 2007, № 1(18) Январь-март 2006, С. 18-22. Юсупов М.М. Анализ российской статистики, географии и динамики ксенофобной агрессии (2005-2007 гг.) // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия «Социология». 2009, № 2. С. 47-53.
21. «Московские новости». № 12 (1327). 2006. 07-13 апреля.
22. Тимофеева О. Скинхеды стали убивать в два раза чаще: URL: <http://www.izvestia.ru/communiti/article413909>.
23. Общественная Палата Российской Федерации. О толерантности и противодействии экстремизму в российском обществе (рекомендации Общественной Палаты Российской Федерации). М., 2006.
24. Шалин В.В. Толерантность (культурная норма и политическая необходимость). Ростов н/Д., 2000.